

ПРОТОРЕЛИГИОЗНЫЕ АРТИКУЛЯЦИИ СТРАХА

Проторелигиозное наследие, преломившееся в мифологии, религии и фольклоре, кодирует в себе совокупность исторически сложившихся и передающихся из поколения в поколение значений и программ деятельности. Проторелигиозные программы фиксируют и структурируют экзистенциальный опыт, который насыщен аффектами, эмоциями и чувствами. Среди них особое место занимает состояние страха, которое с одной стороны характерно для человека как вида, а с другой – находит свое преломление в традиционной культуре, накладывая на нее существенный отпечаток.

Артикуляции страха разнообразны и многомерны. Традиционная культура как защищает от страха, так и порождает его, используя в качестве стимула и регулятива. В ней страх вовлечен в сложную систему взаимосвязей и отношений – он может подавлять или санкционировать, стопорить или приводить в движение те или иные культурные процессы. Характер влияния страха обусловлен спецификой социального реагирования на него. Сталкиваясь со страхом, общество может отвечать на него агрессией, насилием, смирением, благоговением, уважением, смехом и пр. Эти специфические реакции на страх, в свою очередь, преломляются и трансформируются в широком спектре феноменов, будь то запреты, молитвы и жертвоприношения, мораль, этика, философия, труд и пр.

Широкий спектр артикуляций страха по-своему воплощается в представлениях той или иной картины мира, он становится составляющей габитуса. Реагирование на страх имеет биопсихические и социокультурные основания. С одной стороны, артикуляции страха обусловлены инстинктивной природой человека, травмой рождения и защитными механизмами психики, а также физиологическими и природными угрозами и опасностями, поэтому на определенном уровне они могут рассматриваться как универсальные структуры. С другой стороны, артикуляции страха обусловлены социальным опытом людей (конвенциями, нормами, ценностями, идеалами и пр.), которые способны существенно искажать биопсихические реакции. Искусственные закрепления страха в рамках тех или иных культур не только переносят страх на исключительно человеческий уровень, но и позволяют страху преломляться в специфических значениях

и формах. «Чувство страха у человека лишь отдаленно свидетельствует об инстинкте самосохранения... чтобы избежать опасность или преодолеть ее, бывает полезней вовсе избавиться от чувства страха или, по крайней мере, не замечать его» [1, с. 7].

Одним из подходов, который позволяет уловить артикуляции страха, является психоанализ составляющих проторелигии на предмет их корреляций с состоянием страха. Такими составляющими являются магия, тотемизм, анимизм и фетишизм.

Магия артикулирует страхом, поскольку необходимость обращения к ритуально-магическому вмешательству обычно обусловлена либо неуверенностью в достижении желаемого, либо невозможностью непосредственного достижения желаемого, что вынуждает индивида прибегать к внушению и имитации желаемого в символической форме. Отсюда следует, что магия замещает основное поле страхов, связанных с неуспехом в реализации того или иного желания. Магия компенсирует страхи перед бессилием убежденностью в способности индивида воздействовать на себя, природу и общность.

Тотемизм послужил основой для социальной интеграции общности под эгидой тотема, что компенсирует страх одиночества, укрепляет организационные и родовые связи. Тотем дает покровительство тому, кто к нему причастен, а также ощущение могущества, поскольку через тотем индивид переживает единство с общностью. В тотеме также латентно присутствует страх перед чужим, поскольку тотем, объединяя одну общность, тем самым отделяет её от других общностей.

Анимизм населяет окружающий мир духами, что с одной стороны замещает страх одиночества, а с другой – позволяет индивиду искать у них защиту и покровительство. Анимизм также помогает сформировать картину мира посредством закрепления за теми или иными объектами и явлениями мифологических существ. Стремление таким образом упорядочить окружающий мир свидетельствует о страхе перед миром, перед его загадочностью, непредсказуемостью, необъяснимостью и неизвестностью.

Фетишизм может выступать как предметное закрепление магии, тотемизма и анимизма. Фетиш служит объектом связи с сакральным и может быть представлен как идол, талисман, амулет или любой объект, носящий сакральный статус. Фетиш обычно обладает защитными свойствами, однако характер страха, от которого он защищает, обусловлен конкретными случаями его применения.

Все эти составляющие лежат в основе религии, которая предлагает человеку систему мировоззрения, призванную разрешать проблемы его взаимоотношений с самим собой и окружающим миром. В отличие от магии, ориентированной на достижение любого желаемого результата, религия предполагает следование доктринальным целям, нормам и правилам, которые детерминируют спектр желаемого теми или иными ограничениями и программами деятельности (табу, аскеза, заповеди и т.п.). Религия модифицирует некоторые желания и потребности индивида, цензурируя их в своей системе ценностей и представлений. При этом она может табуировать, осуждать, переориентировать и снимать сами желания, пресекая попытки их воплощения. Фокусируя человека в ситуации страха на обуздании желаний,

избавлении от страданий, смиренности, покоя, вере и т.п., религия скрывает бессилие и зависимость людей от внешнего мира со всеми вытекающими из них страхами.

Как и магия, религия артикулирует страхом. С одной стороны, общей психологической особенностью всех религий является переход от «душевного страдания» к «избавлению от него», с другой стороны, «представления о греховности, воздаянии создают у верующего сложный комплекс отрицательных переживаний, среди которых прежде всего следует отметить страх» [3, с.13].

Страх является стимулом возникновения религии, стимулом обращения к ней, а также составляющей религиозного мироощущения. Безусловно, религия не снимает страх полностью – она лишь преобразует его через свою картину мира. Тем не менее, религия, переводя страх в систему собственных значений, предлагает способы взаимодействия с ним, что в какой-то мере защищает и позволяет управлять страхом.

Религия трансформирует страх человека перед собственным бессилием в благоговение и трепет перед покровительствующим и защищающим божеством. Почитание божества предполагает религиозное благочестие, которое может выражаться в соблюдении норм и правил, выполнении ритуалов, жертвоприношений, молитв, а также в различных формах мистической практики и поведения. Это свидетельствует о том, что состояние страха, преломляясь через представления о божестве, выступает в роли культурного регулятора и стимула к осуществлению задаваемой традицией деятельности.

Несмотря на порождаемые религией специфические страхи, она компенсирует фундаментальные страхи. Религия наделяет человека мировоззрением, а мировоззрение, объясняя природу человека и мира, дает ему ориентиры и снимает страх неопределенности. Религия посредством веры, молитвы, ритуала дает надежду, снимает сомнения и страх неуверенности, что позволяет преодолевать жизненные трудности. «Религия спасает человека от капитуляции перед смертью и уничтожением, и, делая это, она лишь использует материал сновидений, видений и миражей» [2, с.53]. Религия снимает страх одиночества, дает индивиду возможность самоидентификации и интеграции в религиозное сообщество. Выполнение религиозных программ, которые используются другими, также косвенно указывает человеку, что он не одинок. Религия дает людям модель поведения, которая регулирует жизнедеятельность и служит основой для взаимодействия людей.

В самом общем виде проторелигиозные артикуляции специфическим образом модифицируют страх, пропуская его через мышление, верования и социальные практики. Рассматривая эти проявления как культурные следы, возможно определить базовые страхи, которые тем или иным образом скрываются за мифо-ритуальным комплексом:

- *страх бессилия*, который может находить свое выражение в неуверенности в достижении желаемого, боязни неуспеха, страхе человека перед собственной уязвимостью, ограниченностью, неспособностью что-либо изменить и пр.;

- *страх чужого*, который может выражаться в страхе перед изменениями и нарушением равновесия, а также в тревоге, вызванной неизвестностью, непредсказуемостью и неопределенностью окружающего мира, которая может воплощаться через соприкосновение человека с внешними угрозами.

Крайней формой сгущения этих двух страхов является *страх безысходности*, которому могут сопутствовать отчаяние, паника, страх необратимости, одиночества и смерти. Кроме того, оба эти страха порождают *страх перед возможностями*, который балансирует на грани между слабостью человека, его желаниями и тающимися в мире опасностями.

Список литературы:

1. Антонов, В.Ю. Метафизика страха и этика бессмертия / В.Ю. Антонов. – Саратов : Печатный двор, 1994. – 64 с.
2. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. – М. : Рефл-бук, 1998. – 304 с.
3. Перова, Л.Н. Страх как компонент религиозно-психологического комплекса : (09.00.06) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1988. – 16 с.